

Андрей БЕЛЫЙ

Поэзия Блока

I

Книгоиздательство «Мусагет» выпустило недавно третью и последнюю книгу стихов Александра Блока¹. Шестнадцатилетие поэтических переживаний и дум налицо (все три книги стихов обнимают период от 1898 до 1914 г.). В продолжение 16 лет мы следили внимательно за этапами развития поэзии Александра Блока. И касаясь поэзии этой теперь, не хотелось бы мне отдаваться эмоциям.

Быть пристрастным к поэзии Блока мне легко в обе стороны. Появление этой поэзии на моем горизонте совпадает с эпохой религиозных исканий в небольших, очень замкнутых, очень интимных кругах; в них стихи Александра Блока вызывали огромный интерес; в эту пору и был я особенным ценителем поэзии Блока, как позднее убежденно высказывал я ей свое противление (в эпоху 1906—1908 гг.).

Блок 1900—1904 гг., т. е. Блок первого тома, был для нас, молодежи, явлением исключительным; в это время можно было встретить «*блокистов*»: они видели в поэзии Блока заострение судеб русской музыки; разоблачились для них ее тайны; покрывало на лике ее было Блоком приподнято: ее лик оказался Софией Небесной, Премудростью древних гностиков. Блок для них оказался восторженным выразителем окончания поэзии как поэзии только, и ее восстания как начала, преобразующего самую душевную жизнь; предощущался в поэзии этой как бы новый завет человека с Софией не через голову, как в *фило-Софии*, а через сердце, любовь. Тема влюбленности переплеталась в поэзии этой с религиозно-философскими темами гностиков и Владимира Соловьева. Символизм той поэзии нашел в лице Блока своего идеального выразителя. Но в поэзии

Блока впоследствии поднялось осмеяние своей собственной темы (в «Балаганчике», в «Нечаянной Радости»); лик *Прекрасной Дамы* разбился о какие-то встававшие трудности, из раскола хлынули ночь и туман, закрывая лучистую ясность пейзажа; пейзаж стал болотным, наполненным чертенятами и какими-то странными женскими персонажами, именуемыми то Незнакомкой, то Маской, то Ночью.

Блок 1905—1907 гг. показался предателем своих собственных светлых заветов; многие от него отшатнулись; превращение поэзии Блока в поэзию «современную» (его слияние с тематикой Брюсова, Сологуба, Бальмонта) совпадало с признанием его как поэта в более широких кругах: это вызвало искренний крик в его первых ценителях.

Десятилетие медленно выявляло подлинный центр качания маятника поэзии Блока; вспышки света и тьмы, Дева неба и Маска слились в выражении третьего лика; блоковская *Прекрасная Дама* оказалась абстракцией одного лишь момента мимики страдающей души русской жизни; *Проститутка* — абстракцией другого момента; подлинный лик его музыки оказался живей, многогранней, исполненной трагической жизни. Этот лик — лик России.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России...²

Поэзия Блока — цветок страшных лет русской жизни: не удивительно, что в поэзии этой перепутаны Имя и *путь*; русская действительность зачастую была роковым смешением путей, нас ведущих к катастрофе в плане личном и социальном; выразителем смятенной души в ее *духе* и в *теле* был Блок. Как таковой, он — *единственный современный русский поэт*, единственный лирик душевных смятений, не уловимых словами.

Блок национальный поэт (слишком космополитичен для этого Брюсов, слишком умственен В. Иванов, слишком космичен Бальмонт, слишком лубочен Сергей Городецкий и т. д.); в некотором отношении Брюсов, Бальмонт и Иванов богаче: русская музыка Блока стоит перед нами теперь и нага, и нища; но Блок ближе нам *бронированной* брюсовской формы, ивановских *пышных роз* и бальмонтова *блеска*; он нищ, как... Россия.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!..

Тебя жалеть я не умею
 И крест свой бережно несу...
 Какому хочешь чародею
 Отдай разбойную красу!
 Пускай заманит и обманет, —
 Не пропадешь, не сгинешь ты,
 И лишь забота затуманит
 Твои прекрасные черты...³

Блок полюбил нашу родину странной любовью: благословляющей и проклинающей; и от этого любишь поэзию Блока той же странной любовью: благословляющей и проклинающей. Поэзию Блока жалеть не умею: произношу подчас суровые приговоры ей; произнеся приговор, вижу ясно: я, русский, люблю поэзию эту — поэзию «ветровую», — как *слезы*; чтобы не быть мне пристрастным, постараюсь я опираться на материал ее дум, ее лирики, ее красок и звуков.

II

Поэзия осуществляет задание: дать «единство в *многоразличии*»; есть поэты «единства»; и их очень мало; поэзия *много-различий единства* — поэзия обычного типа; и она выявляет мозаичный портрет своей музы, слагаемый из отдельных мозаик-стихотворений. В первом периоде поэзии Александра Блока каждое стихотворение уподобляемо не мозаике, а росинке, сполна отражающей цельный лик его Музы. Произнесено ее «*имярек*»; она — Дева, София, Владычица мира, Заря—Купина; ее жизнь воплощает в любовь высочайшие задания Владимира Соловьева и гностиков; превращает абстракции в жизнь, а Софию — в Любовь; и низводит нам прямо в душу странные концепции Василида и Валентина⁴, связывает туманнейшие искания древности с религиозно-философским исканием наших дней; специфические любители поэзии этой образуют кружок; в нем встречаются с поэтами-модернистами одинокие философы, мистики, представители старообрядчества и сектантства (как покойная А. Н. Шмидт⁵).

Муза Блока? О ней он сказал: «*Ты лазурью сильна. Ты прошла голубыми путями*»⁶.

Блок полюбил «голубые пути» своей Музы земной любовью: «Тайно тревожна и тайно любима — Дева, Заря, Купина»...⁷ Дни его — «*ворожкой полоненные дни*»⁸; с первых моментов Ее появления Она вызывает в душе его личную страсть; перенесе-

ние животноплотских отношений в сферу сверхчеловеческую есть, по Владимиру Соловьеву, «*сатанинская мерзость*»; перенесения этого в поэзии Блока нет, но двойственность есть; эта двойственность отзывается утонченным хлыстовством, некой тайной, тонкой мистической «*прелестью*», Лучезарной издалека и душно-мутной вблизи; мутную полосу хлыстовских радений последнего времени уловил здесь поэт; и туман, поднимающийся в подсознательной жизни России, воспринял он *голубоватой далью*; и грязно-красную *ауру* увидел стыдливой зарей. Блок отмечал тонкое начало соблазна в изощрениях мистики, угрожавшей России, потому что он — поэт «*страшных лет*». Что прекрасная дама поэзии Блока есть хлыстовская богородица, это понял позднее он.

И когда Ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг⁹.

Синева его неба впоследствии оказалась туманом (вокруг и в душе), той невнятицей человеческих отношений, о которых он сам сказал после:

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят...
Есть дурной и хороший есть глаз,
Только б лучше ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил¹⁰.

Подсознательная раскачка стихий обусловлена влиянием, обнаруживающимся между идеальными началами души и природными; у поэта *единство* духовное облекается в душу; облегчение преобразует стихии; по образу и подобию их совершается отбор элементов внешней природы; описание природы поэтом есть всегда *мимикрия*, природа здесь в сущности — стихийное тело душевности: краски этой природы суть на самом деле не краски, а нечто глубинное; и анализ того, как поэты видят природу, есть анализ всегда подсознательных, «*неизвестных, играющих сил*», лежащих за порогом сознания поэта и явственных критику; в поэтическом пейзаже, в цветах пейзажа выявляется подлинный цвет тех глаз, о которых поэт говорит: «*Чуешь ты, но не можешь понять, чьи глаза за тобою следят*». Для решения реального цвета глаз Музы Блока, заявляющей о себе, что

она «лазурью сильна», обратимся к фактическому материалу природы в поэзии Блока. Муза Блока дана нам в стихиях природы конкретнее, нежели в заверениях Блока о том, что она есть то-то и то-то.

Она облекается в свет («в луче божественного света улыбка виделась Жены»), облекается в солнце («и Ясная, Ты [с] солнцем потекла»); облекается в воздух («в тихом воздухе тающее, знающее... Там что-то притаилось и смеется»), течет в грудь «огнем небесных вожделений»; она слита со стихиями; они — органы ее жизни; эти органы жизни ее проливают жизнь в организм поэтической пульсации Блока. Ключ к раскрытию духа единства поэзии Блока в изучении многообразия проявления ее жизни в стихиях.

III

Интересно. Согласно статистике, небо Пушкина — *небосвод*; *пламенная твердь* — у Тютчева; пушкинское *ночное светило* есть начало тревожное, женское; оно — луна в облаках; миротворен *месяц* у Тютчева; чаще он — золотой; никогда не бывает серпом; *месяц* Блока — *серебряный серп*. И т. д.

Интересны скачки в перемене блоковского пейзажа, зависящие от Ее появления издали пред поэтом, Ее приближения и Ее осознания поэтом.

Вот период, предшествующий явлению Ее лика: и безрадостна в нем природа: *солнечный шар* его зноен — палит мозг поэта; ветер воет; вода то бунтует, то *тихо* течет; огня мало; из четырех стихий перевешивает земля; день — тоскливый, холодный; ночь — безжалостна: и темна, и глуха, и мертва.

Появилась Она (1901—1904 гг.). И поэту вот кажется, что Она — вся «лазурь». Но как вспыхнуло все вокруг от *лазури* Ее в нем огнем. И отразилось в природе: «Огни *горят*», «*Красная тайна... легла*», «Каждый конек на узорной резьбе *красное пламя* бросает к тебе», «*Ты в алом сумраке ликуя...*» и т. д.; но алость ту называет поэт *лучезарностью*; в именовании *цвета божественным светом жены* совершается роковая подмена; вместо страсти к реальной «жене», вместо горнего устремления к Идеалу — смешение идеала и страсти; идеал вызывает в поэте огромные взрывы стихий: «*Звенит и буйствует природа, Я — соучастник ей во всем*». Буйство природы, перенесенное в религиозное стремление, есть хлыстовство. Тончайшие начала его

соблазнительно вскрыты у Блока; Блок в истории русской жизни оказался сейсмографом, повествующим о взрыве стихий.

Взрывы «мистики» начинаются беспричинным избытком стихийности; и ночь оживает, сияет; и *сияя*, наполняется *странной вестью и шорохом*. А тоскливые дни — *благословенны* теперь: *велики и ясны*, угасая, смеются они *розоватыми* зорями; скудный воздух теперь преисполнен *надежд, воздыханий*; и земля — не пустынна: земля — *голубая, зеленая*, разливается всюду теперь прежде еле мерцавший огонь *небывало-гремящей сферой*. Огонь доминирует над стихиями; а земля покрывается разливом певучей воды, разбивающей льдины; испарения этой воды — голубоватый туман — придает расплывчатость контурам весеннего пейзажа; он теперь — «*синева*»; *синева* называется «*небом*»; что *синева* эта — пар, а не небо, вскрывается после.

Таковы объективные данные пейзажа у Блока на основании статистики материала; бунт стихий, укрываемый в мягкости *синевы* и розоватости зорь; *голубое, синее, красное* — теперь Цвета Блока; и они моделируют его ауру.

IV

Взрыв мистических сил очень часто кончается срывом: вздыханья радений ведут нас к падению. Соединение далекого образа Музы Блока со стихийной жизнью поэта производит в нем впечатление, будто образ Ее вдруг ушел от него (а на *самом деле* вошел в него): тут обычная душевная аберрация (выхождение темных сил из души очень часто выглядит извне нападением).

Вторую книгу стихов открывает признание: «Ты *уходишь... без возврата*»¹¹. Дух души Ее отлетел от поэта; душа Ее ему кажется Нежитью, Незнакомкой и Маской; этой Маской завладела стихийные силы, шепнув поэту, что Она — Проститутка. Грех недолжного возведения Музы Блока во Владычицы мира отягчается ныне грехом недолжного втоптанья Ее в грязь; это все оттого, что она — не София, не Маска, а женственная душа нашей матери-родины, испытывающей муки рождения своего бытия в грядущих годах: Муза Блока — Россия. К открытию Ее имени Блок придет в третьей книге.

А пока ему открывается, что она не София; Она — только Маска; стало быть, Ее нет: «*Мы — одни*», «*Мы забытые следы чьей-то глубины*»; просветленное пенье страстей от узнанья

этого, упавая, стремится к темнейшим истокам; от темнейших истоков стихий поднимается ржавчина; слово «*ржавый*» типично в периоде этом: *ржавый* воздух и *ржавое* болото...

«О, исторгни ржавую душу!»¹² —

воскликает поэт.

Все разливы огня пропадают; огонь — не огонь: огоньки горючих и болот; потухает заря, становясь лишь «*полоскою*», доминирует явно вода. Но какая вода? Не — *разлив* первой книги — гнилое «*болото*»; «*болото*» проходит по книге; в болотном тумане меняется все: не *золотая межа* первой книги стоит перед нами, а *проталины, кочки, пеньки, гати, тали в туманов развалины* (все любимые слова Блока!); в них — остатки былой *синевы*, неопределенно смешавшихся с красными зорями то в *лиловые*, а то в *оловянные* тоны («*Фиолетовый запад гнетет, как пожатые десницы свинцовой*»). Словом, небо,

Устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в *болото*¹³.

Где ж Прекрасная Дама?

Она не придет никогда!
Она не ездит на пароходе!¹⁴

Характерно преобладание болота: вода — сладострастие; и его весенний разлив в первой книге «*небесное вожделье*»; зацветание гнилью болота есть болезнь нашей страсти.

Я не люблю пустого словаря...
«Ты мой». «Твоя». «Люблю». «Навеки твой...»
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь...»
Назавтра я *уйду*.
Я гнал ее далеко...
...Кричал и гнал
Ее, как зверя...¹⁵

Солнце жизни остыло; источник стихийности — солнце — кривит свой «*приученный лик...*». «*В этом мире солнца больше нет!*» — восклицает поэт; наступает ночь — смерть стихий. Поэт бежит в город: «*в кабаках, в переулках*» он ищет забвенья. В нем замерзла стихия воды: стала снегом и льдом. Так, стихийное, испепеленное тело поэзии Блока уносится в ночи метелью.

Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой¹⁶.

Тема «Снежной маски» проходит пред нами в изысканных ритмах. Смерть болящих стихий отрезвляет поэта. В третьей книге стихов — второй день его Музы. Он восходит не *красными*, а *желтыми* зорями; и уже не в былой синеве, а в холодном, далеком, *зеленом*, стеклянном воистину небе. Боттичелливская двуличная нежность природы у Блока сменяется *мантеньевским* четким контуром. Пропадает вольный размер и неестественное обилие пляшущих у Блока хореев; обилие четырехстопного ямба, которым ритмически силен поэт, налицо; пропадают нечеткости рифм второй книги (прорубью — поступью, полюсом — поясом, подворотни — оборотня, человечей — плечи и т. д.).

Замечательно, ритм и метр поэзии Блока напечатлевают вполне перелом второй книги; и ломаются с ним. Нежнейший у Блока трехстопный анапест наименее представлен здесь именно; неестественный Блоку хорей, наоборот, здесь удвоен; музыкальнейший ямб не представлен почти (только 40 ямбических стихотворений вместо 100 первой книги и 95 второй). Угасанью стихий и пейзажа соответствует угасание метра и ритма.

Этот ритм, этот метр полнозвучны опять в третьем томе, являющем Блока пред нами воистину русским; он рисует уже не соблазны, а «*страшные годы*» России. Покрывало с «*Имени*» сорвано; названо Имя: Россия.

V

Блок — поэт *русский*.

Самосознание *русского* — в соединении природной стихии с сознанием запада; в *трагедии* оно крепнет: предполагая стихийное расширение подсознания до групповой души Руси, переживает оно расширение это как *провал* в подсознание, потому что самосознание *русского* предполагает рост личности и чеканку сознания; самосознание *русского* начинает рождаться в трагедии разрывания себя пополам меж стихийным востоком и умственным западом; его рост в преодоленье разрыва. Мы конкретны в стихийном; абстрактны в сознании; самосознание наше в духовной конкретности.

Может быть, Хомяков, Данилевский, Аксаков и *русские* — в подсознании; в идеологии — нет; идеология их искусственна:

она — вытяжка из конкретно возникших западноевропейских идей — вытяжка *для России*; в идеологии западника более конкретны русские; славянофилы суть западники в дурном смысле слова. Славянофильская абстракция Тютчева перепортила Тютчеву ряд стихов: в нем художник с мыслителем только смешаны, а не слиты: русского самосознания нет в поэзии Тютчева.

Первоначальный рост музыки Блока есть безмерное расширение стихий: *разлив русских вод*; их весеннее таянье; наоборот, духовное начало поэзии осознано Блоком абстрактно; не Небесная Мудрость стоит перед нами: стоит перед нами *София* Александрии (и даже: упадочной Византии), окруженная «*храмами*», «*красною позолотой*», *лампадка*ми, даже русскими «*теремами*». Здесь сознание Блока абстрактно: оно складывает ему византийский «*style russe*»¹⁷, оживляемый не огнем небесной стихии (потому что стихия огня выше воздуха и воды; и она пламеносный эфир, образующий, по Лукрецию, *пылающие стены вселенной*)¹⁸, — нет: абстрактное сознание Блока разогревается им не эфирным огнем живой мысли, а огнями болотных страстей: оживление византийского Лика у Блока не сверху, а снизу; оживление его в хлыстовстве, в сектантстве.

VI

Славянофилы — сектанты России. Начало поэзии Блока в произвольном славянофильстве; необычайный разлив русских вод, превышающий своим ярким порывом порывы славянофильства, ломает в поэзии Блока византийско-хлыстовский «*style russe*», обнаруживая довизантийскую бездну России, ту древнюю бездну, в которой ломается в нас представление *русский* в многообразии голосов; эти «*попики*», «*чертенята*» второго этапа поэзии суть не русские, а Радимичи, Вятичи, Кривичи; Блок в стихиях древнее славянофилов: Кривич он; и его Прекрасная Дама какая-то Кривичская дева, переряженная в пестрый наряд, состоящий из современных заплат, наскоро наброшенных Блоком на византийское рубище; в таком виде она перед нами какая-то ряженая; литургия Небесному Лику кончается в Блоке *славянскими святками* на болоте; и Блок бежит в город: становится западником; в славянофилах отсутствует осознание до дна темной древности корней русской жизни; нет трагедии, нет конкретной муки сознания, заставляющего воистину русского видеть в западном росте личности совершенно конкретную опору сознания в борьбе со стихиями.

Славянофильский лик Музы разоблачен в Блоке Блоком: не София он, не Россия, а древняя, темная Русь, т. е. сонное марево:

Что же маячишь ты, сонное марево?¹⁹

Вместо сонного марева видит он другой лик России:

Там чернеют фабричные трубы;
Там заводские стонут гудки²⁰.

Лик *Кривичской красавицы* разбоек для Блока, и он восклицает:

Какому хочешь чародею
Отдай *разбойную* красу.

Эта разбойная Русь, где

Чудь начудила да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых²¹,

должна трагически просветиться, очиститься, чтобы групповое, стихийное, древнее в ней начало возвысилось до соединения с Небом (вне-национальным) и стало Душою России, огромной России, в которой мы ныне живем. И Блок верит, что отдание *разбойной* красы иному началу приведет к просветлению:

Не пропадешь, не сгинешь ты —

в этой вере в грядущее *правая* вера в Россию, соединенная с *западнической* критикой ее темных низин.

VII

Блок двояко трагичен в смешении России и Руси, в смешении личной страсти с служением родине. Осознание это ломает поэзию Блока; вместо России увидел он Мерю да Чудь; вместо Невесты — цыганку («А монисто бренчало, цыганка плясала и визжала заре о любви»)²²; осознание это ужасно для Блока («Так вонзай же, мой ангел вчерашний, в сердце — острый французский каблук»)²³; и *трагедия* трезвости вырывает признание:

И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других²⁴.

Признание это чуждо славянофильству: *славянофильство играет с огнем.*

Молчите, проклятые книги.
Я вас не писал никогда!²⁵ —

ставит Блок свою последнюю точку на «славянофильском» периоде; тем не менее он с Россией:

Наша русская дорога,
Наши русские туманы.
Наши шелесты в овсе²⁶.

Осознание *темных страстей* превращает разлив древних вод в замерзающее болото и в *снежную маску*, но *тайный жар* стихов Блока остался:

Их *тайный жар* тебе поможет жить²⁷.

В чем же *жар*, когда все замерзло для Блока: воздух, воды, земля? В огне неба, в Лукрециевых «*пламенных стенах вселенной*»: в сознании русского, что судьбой его родины должна быть судьба лишь *небесная*, не земная, языческая. Трагедия перенесения Лица России из прошлого в искомое будущее просветляет *разбойное* в нем начало, почти убивает:

Под насыпью во рву некошенном
Лежит и смотрит, как живая²⁸.

Не умерла она, судьба родины, судьба женщины русской (для Блока до сей поры родина олицетворяется с им любимым и женственным ликом):

Убралась она фатой из пыли
И ждала Иного Жениха²⁹.

Не царевича в парчовом кафтане она ожидает: Христа. «*Царевич*» — славянофильская тенденция Блока — мог ее только смять:

Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым, усталым конем³⁰.

Явление грядущего, искомого Лица встает перед Блоком теперь не из сусально-прекрасных пейзажей, а из зарева «*страшных лет*» русской жизни.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!³¹ —

пишет он за четыре года до наступления этих лет.

В нашей жизни по-новому разлились все начала стихии древней Руси: *радение* соединилось с татарством в образах темного, восточного бреда; а извне опрокинут на нас своей грозной стеной «*запад*» прусского милитаризма. Еще более сознаем неизбежность мы соединить в себе *добрый запад* (просвещение гуманизма) с «*востоком Христа*»³², чтобы мочь победить образы Ксеркса и Бисмарка, образы радеющего начала и прусского милитаризма; победа в самосознании нашем; но к трагедии русской действительности ближе всего Муза Блока; в *трагедии отрезвления* соединяемся с Блоком мы; здесь в трагедии этой, а не в романтике «*культуа Руси*» он русский, воистину русский: единственно *русский* поэт среди всех модернистов; разбивая в нас образ сусальной России, рисует он нам другой вещий образ: победной России:

И когда наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда³³.

VIII

Александр Блок — наиболее певучий поэт, осуществляющий музыку своих ритмов и красок, словесной инструментовки непредвзято, произвольно: аллитерации и ассонансы других модернистов все еще сидят на внутренней пульсации как-то внешне; и — отстают, как броня; расположение, сочетание блоковских слов произвольно сливаются с внутренним ритмом поэзии; чисто блоковские *повторения* слов, игра повторений — выражение ритма Музы, ищущего в повторениях *все того же во многом* единства многообразия:

Такой прозрачной глубины
Не видно никогда,
Такой глубокой тишины
Не слышно никогда³⁴.

Или:

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном³⁵.

(Повторение «так» здесь усилено параллелизмом глаголов). Богатейший ритм Блока естественно как-то пульсирует внутренней рифмой:

*Запевающий сон, зацветающий цвет.
Исчезающий день, погасающий свет*³⁶.

Многоразличие сон, цвет, день и свет соединяется внутренней рифмой в некое музыкально ощущаемое *единство много-Различий*. *Неуловимое* в четком слове осуществляет себя уловимо в напевности: внутренняя рифма могучее орудие поэзии Блока; еще более могучим орудием являются ассонансы ударных гласных; например: «бисер нижет, нити вяжет» (и-и-и), где кроме ассонансы на и есть еще звуковой параллелизм (би-ни-ни... и, ни-жет — вя-жет); и «И веют древними поверьями» (е-е-е); «жду я Прекрасной Дамы в сияньи красных лампад» (ааяаа); «еще пост и ходит кто-то» (ио-ио-о-о) «струйную игру (у-у) и т. д.; интересны у Блока звуковые прогрессии и регрессии: «Я знаю: Ты здесь. Ты близко» (аеи); «Манили страстной дрожью звуки» (иаоу); иногда у Блока целые строфы образуют звуковые группы ассонансов; например:

Смолили тяжелые челны (и-ио-ио)
Река, распевая, несла (а-а-а)
И синие льдины, и волны, (и-и-о)
И тонкий обломок весла (о-о-а)³⁷.

«Иоа» образуют здесь три ассонирующих группы; иногда ассонанс соединяется у Блока с внутреннею аллитерацией:

В *золотистых* перьях тучек
Танец нежных вечерниц...³⁸

(«ти-ты-ту-та» и «не-не-ны-ни»).

Еще более богата поэзия Блока аллитерациями; многообразием мягких аллитераций залит первый том; очень много аллитераций на «б» в сочетании с «л», с «ми» и с другими согласными:

Брожу (брж) в *ст-енах мона-стыря* (ст-ст-на-на)
Безрадостный (бэр) (*ст*) (ный) и темный (ный) инок (ин)
Чуть брезжит бледная заря (бржж-бэр)
Слежу мелькания *снеж-инок* (слеж-слеж, кания-инок)³⁹.

Четверостишие инструментовано произвольно тремя группами звуков: «бржз» — «ст» — «инок». Аллитерация на «бл», кажется, преобладает у Блока вначале: «Облака *небывалой* услады» (бл-бл-л); особенно много аллитераций на «л», свойственных русской речи: «Смолили тяжелые челны» (лллл); аллитерация часто сопровождает смысл стихотворной строки; так, при изображении кашля старика: «где-то полет с крыши... где-

то кашель старика» (г-ка-к-г-ка-ка); но замечательно: многообразие мягких, плавных, расплывчатых аллитераций по мере того, как трезвеет трагически самосознание Блока, — обилие это сменяется поражающим обилием твердых звуков «рдт», звук ломающих ледышек замерзшей стихии у Блока: воды. Твердость аллитераций на «рдт» соответствует появлению мантеньевской сухой четкости в пейзаже у Блока, соответствует строгой крепости стихотворной строки, соответствует трезвости крепнущего самосознания. «Рдт-дтр» пробегает по третьему тому стихов (смотри страницы: 111, 113, 114, 127, 128, 137, 145, 150, 154, 155, 157, 164, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 170, 171, 172, 172, 172, 173, 174, 175, 175, 175, 175, 177, 178, 179 и т. д. и т. д.). Пример? Сколько угодно: «Я пригвожден к трактирной стойке» (рдтртрт), «мертвец, родной души народной» (ртрддрд), «стрелой татарской древней воли» (трттрдр), «взял гитару на прощанье и у струн исторг» (тррттртр), «кудри ветром растрепались» (дртрртр), «дух пряный марта» (дррт), «три стертых треплются шлеи» (тртртртр); я бы мог примерами этими заполнить ряд страниц; но читатель поверит мне на слово: на «рдт» — инструментована третья книга стихов.

Инструментовка поэтов бессознательно выражает аккомпанирование внешней формой идейного содержания поэзии. Характерно: любимая аллитерационная группа поэзии Баратынского на «пр»; «пр» пробегает по всей поэзии Баратынского. Что в ней «п»? Что в ней «р»? «П» выражает собой плотность, косность материи; плотность природы. «Р» характеризует динамику духа, стремящегося разорвать эту обставшую плотность: «р» рвет материю: и «про» есть живописание звуком слова прорыва природы. А у Блока стремление духа (то же «р» Баратынского) разорвать «дт»: в звуке слов на «дт» что-то есть упдающее и в падении замерзающее: упдание водных стихий, замерзающих в лед и снег; «рдт» выражает собою прорыв самосознания Блока к духовному центру чрез застывшие льдины страстей; в «рдт» форма Блока запечатлела трагедию своего содержания: трагедию отрезвления — трагедию трезвости. В черном небе у Блока, *стеклянно-зеленом к закату*, резкий ветер протреплет *стеклянные струи* дождя; и сквозь дождь нам зловеще глядятся его страшные *желтые зори*; страшные *годины* России отвердели над Блоком; самосознание силится их изорвать; и раздается в трескучий, трезвонящий хруст его формы; в *ер-де-те* — внешнее выражение мужества и *трагедии трезвости*.

